

В. Г. Сибирцева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭПОПЕИ КЛОПШТОКА *МЕССИАДА*

В статье рассматривается литературная судьба русских переводов эпопеи *Мессиада* Ф. Г. Клопштока, выдающегося немецкого поэта XVIII в. Переводы, созданные А. Н. Кутузовым, А. Х. Востоковым, С. И. Писаревым, не способствовали увеличению круга читателей Клопштока в России. Они остаются литературным фактом конца XVIII — середины XIX в. Выявление причин непопулярности переводов *Мессиады* является основной задачей настоящей статьи. Сопоставительный анализ переводов приводит к выводу, что наиболее известным оказывается вольное переложение короткого отрывка из *Мессиады*, автором которого является В. А. Жуковский.

Ключевые слова: Жуковский; Клопшток; «Мессиада»; гекзаметр; свободный стих

1. Введение

Заполнение лакун в рецепции творчества известного поэта обычно представляется малозначительной задачей. Казалось бы, какой научной новизной могут обладать отдельные дополнения, если имя уже входит в авторитетные энциклопедии и упоминается бесчисленное количество раз. Однако известность и изученность того или иного автора при ближайшем рассмотрении иногда оказывается мнимой, поверхностной. Так произошло, например, с Фридрихом Готлибом Клопштоком, о котором блестяще написал Б. И. Пуришев, очертив в лаконичном формате энциклопедической статьи все поле деятельности и сферу влияния выдающегося немецкого поэта XVIII в.:

КЛОПШТОК Фридрих Готлиб [Friedrich Gottlieb Klopstock, 1724 — 1803] — поэт, который начинает период высшего расцвета немецкой литературы XVIII <...> — выдающийся лирик, создатель иррационалистического течения в немецкой буржуазной культуре нового времени, <...> кумир молодых штюрмеров, благоговейно чтивших в лице поэта патриарха немецкой «национальной» литературы (ПУРИШЕВ 1931: стб. 784).

В настоящей статье речь пойдет о переводах на русский

язык монументальной религиозной эпопеи Клопштока *Мессиада* («Der Messias», 1745 —1773), созданной под влиянием *Потерянного рая* Дж. Мильтона. Обратимся вновь к статье Пуришева, который подчеркивает доминирующую в *Мессиаде* идею покорности высшей, недоступной человеческому рассудку мудрости (в отличие от яркой богоборческой идеи в поэме Мильтона) и далее замечает:

Характерно, что герои поэмы по существу чрезвычайно пассивны, они не столько действуют, сколько следят за действием, уподобляясь неподвижным зеркалам, отражающим вне их растущее движение. К. увлекаем потоком не связанных рассудком ощущений, нередко принимающих гиперболические очертания. Его чувства всегда до крайности напряжены, он не повествует, но воспекает (Там же: стб. 784).

Популярность *Мессиады* в России во многом коррелирует с отношением к ней немецкоязычных читателей: восторг от первых трех-пяти песен (всего в эпопею входит 20 песен, написанных в период с 1748 по 1773 г.) сменяется усталостью от затянутого повествования, слабо развитого сюжета в привычном понимании и перегруженного стилистическими новшествами языка. *Мессиада* остается в памяти как величественное и прогрессивное для своего времени произведение, о котором надо знать, но которое не под силу прочесть.

В переводах *Мессиады* на русский язык примечательными являются два основных момента: количество и разнообразие переложений, появившихся за достаточно короткий период времени, и объективная невозможность распространения текстов на русском языке, обусловленная внешним сопротивлением обстоятельств и развитием литературного процесса.

К настоящему моменту выявлено шесть переводов *Мессиады*, из которых только два являются полными (А. М. Кутузова — Н. А. Бекетова и С. И. Писарева), остальные переводы (А. Х. Востокова, А. И. Урываева и В. А. Жуковского) известны в отрывках, а о работе Г. Р. Державина над *Мессиадой* известно только по свидетельствам его современников. Публикации из Клопштока были своеобразным взрывным явлением, они появились в период с 1785 по 1820 г., и только перевод Писарева был опубликован в 1868 г. Для сравнения, примерно за тот же период *Потерянный рай* был переведен на русский язык семь раз: в

1745 г. — А. Г. Строгановым, в 1777 г. — В. Петровым, в 1780 г. — архиепископом Амвросием (Серебренниковым), в 1795 г. — Ф. Загорским, в 1824 г. — Е. П. Люценко, в 1859 г. — Е. Жадовской, в 1878 г. — А. Шульговской (БОРТНИКОВ 2019: 95). Можно констатировать, что интерес к творчеству Клопштока в России был интенсивным, но весьма непродолжительным.

2. Переводы эпопеи в XVIII веке

Известно, что в 1779 г., находясь на государственной службе в городе Шафгаузен Саратовской губернии, *Мессиаду* переводил Державин. Директор Казанской гимназии Ю. И. фон Каниц в переписке с Державиным зимой 1779 г. интересуется судьбой державинского перевода, в частности, он пишет:

«Что Вы делаете, уважаемый друг, с Мессиадой? Не оставляйте ни за что этого начатого Вами хорошего дела! Нетерпеливо ожидаю окончания его» (КОНОНКО 1972: 83).

Но у этого перевода печальная судьба: в одном из черновых вариантов своих автобиографических записок *Нечто о Державине* поэт объясняет причину того, почему замысел не был осуществлен в полном объеме и не дошел до массового читателя.

В оне же время переведены автором две песни «Мессиады», которые, читавши, очень одобряли, но выпросив г-н Домашнев, бывший директор Академии наук, себе прочесть, потерял оные, а разве нет ли в библиотеках Михаила Матвеевича Хераскова и князя Александра Алексеевича Вяземскаго, <...> то и отдал им по списку, а подлинной, как выше явствует, Домашневу на время, у себя не оставив (КОНОНКО 1972: 84).

В своих *Рассуждениях о лирической поэзии* Державин приводит в пример Клопштока как одного из «немецких стихотворцев, пишущих свои оды разнородными формами и разномерными стихами с рифмами и без рифм» и дает свой перевод оды Клопштока *Присутствие божие*, выполненный также «разномерными стопами»:

С смертью боролся когда,
С смертию ты,
Крепчае молился того,
Как твой пот, да и кровь
Низливаясь на землю текли. —
Ты в первый тут час
Истину сделал большую известной. —

Истинна будет
Та оболочка, поколь бессмертной души
Есть прах (ЗАПАДОВ 1986: 229).

Опираясь на приведенный выше опыт переложения оды без использования традиционной для XVIII в. упорядоченной метрики, можно предположить, что и *Мессиаду* Державин переводил, сохраняя свободные ритмы Клопштока.

В 1785 — 1787 гг. в издательстве Московской университетской типографии Н. И. Новикова публикуются первые десять песен эпопеи под названием «*Мессия*», поэма, сочиненная г. Клопштоком в прозаическом переводе А. М. Кутузова. Широкому распространению первого дошедшего до нас перевода также помешали именно внешние обстоятельства: отношение к масонству в царствование Екатерины II. Автор переложения, Алексей Михайлович Кутузов, был участником масонского кружка Новикова, переводчиком произведений английского мыслителя и поэта эпохи сентиментализма Эдварда Юнга. Опосредованные переводы Юнга с немецкого, выполненные Кутузовым, были востребованы среди прогрессивной читающей публики в конце XVIII в. Юнг был для самого переводчика «любимым стихотворцем», в котором Кутузов находил единомышленника и наставника, нередко цитировал его стихи в письмах, подкрепляя ими свои рассуждения (ЛЕВИН 1970: 2001).

Перевод *Мессии*, одновременно глубоко религиозного и тираноборческого произведения, входил в число просветительских публикаций Московской университетской типографии, взятой на десять лет в аренду Новиковым.

В *Письмах русского путешественника* Н. М. Карамзина речь идет именно о переводе Кутузова, когда на вечере в Лейпциге за обедом заходит речь о прогрессивных идеях Клопштока и литературном развитии русской культуры в целом:

«Я не думал бы, — сказал молодой профессор поэзии, — чтобы в вашем языке можно было найти выражения для Клопштоковых идей».

Высокомерная реакция собеседника Карамзина выдает неприкрытое отношение к русской культуре как варварской. На что Карамзин с достоинством парирует:

«Еще то скажу вам, — промолвил я, — что перевод верен и ясен» и в продолжение разговора читает собравшимся отрывки из рус-

ских эпических поэм М. М. Хераскова «Россиада» и «Владимир». Гармоничность и благозвучность русского слога удивляет гостей безмерно (КАРАМЗИН 1982: 31).

Появление *Мессиады* Клопштока на русском языке должно было оказать заметное влияние на развитие стихосложения в России. Державин и Кутузов чувствовали ограниченность александрийского стиха, традиционного для героической эпопеи в России, и пытались приблизиться к свободным ритмам Клопштока, передать его немецкий гекзаметр на русском. Если опираться на предположение, что Державин переводил *Мессиаду* разномерными стопами, следуя за оригиналом, то Кутузов выбрал прозаическую форму изложения. Так он мог, оставаясь в рамках французской традиции XVIII в., переводить иноязычные произведения прозой и при этом не подвергать свой перевод религиозного произведения излишней «светскости», присущей современной ему поэзии.

Однако судьба первой публикации *Мессиады* на русском языке сложилась иначе. Короткое замечание на форзаце второго издания (1820 г): «В 1787 г. в московских книжных лавках конфисковано 1237 экз. этого издания» проливает свет на эту историю.

В типографии Новикова печатались книги, содействовавшие просвещению читателей и одновременно вызывавшие недовольство правительства: сочинения Сумарокова, Хераскова, переводы произведений Вольтера, Расина, Корнеля, Мольера, Руссо, Дидро, Даламбера, Свифта, Фильдинга, Смолетта, Гольдсмита, Стерна, Юнга, Локка, Клопштока, Виланда, Геллерта, Лессинга и многих других.

В 1785 г. по приказу Екатерины II было произведено освидетельствование книг, изданных Новиковым, а его самого подвергли испытанию в знании законов православной веры. После беседы с Новиковым архиепископ Платон доложил Екатерине II, что тот является истинным христианином. Из четырехсот шестидесяти книг, вышедших в типографии Новикова, двадцать три были признаны «могущими служить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждениям и разгорячению умов» (ЛОНГИНОВ 1867: 158). Шесть из них были масонскими, их распорядились сжечь, семнадцать же, в числе которых были произведения Вольтера, сборники сказок, песен, романов, лишь запретили продавать. Но в 1787 г. во исполнение указа Священного Синода, предписываю-

щего все книги с любым религиозным упоминанием подвергать цензуре, тираж *Мессиады* был изъят из книжных лавок, именно об этом мы узнаем из примечания ко второму изданию 1820 г., появившемуся после цензурных послаблений. Можно предположить, что, в конечном итоге, такая потеря была невозможна для поддержания интереса к творчеству Клопштока в России. Гении «Бури и натиска», подхватившие национальные идеи и сентиментальный пафос Клопштока, пользовались гораздо большей популярностью, и отодвинули творчество поэта XVIII в. на второй план, утвердив за автором славу «отца романтизма» и создателя романтического характера. *Мессиада* Кутузова была недоступна русскому читателю в течение 35-ти лет, а за это время изменились не только ведущие идеи в литературе. В русском стихосложении произошли значительные перемены в направлении движения к русскому гекзаметру. Прозаический перевод к 1820 г. казался устаревшим, однако в обретении гексаметра, новой стихотворной формы, предложенной Клопштоком вслед за древними, сыграла свою роль и *Мессиада*.

3. Новые переводы *Мессиады* в XIX веке

В 1802 году в журнале «Свиток муз» свой перевод отрывка из *Мессиады* Клопштока опубликовал поэт и в будущем известный филолог Востоков. Это была песнь пятая под названием *Мессиада. Опыт дактилохореического эксаметра*.

До появления *Опыта о русском стихосложении*, в котором Востоков подробно описывает стихотворные размеры, в том числе и русские фольклорные, должно было пройти еще двенадцать лет, но уже в 1802 г. молодой Востоков начинает искать русский гекзаметр. Однако древний размер переводчик согласовал с не менее архаичным церковно-славянским языком. И если соотечественники Клопштока находили его *Мессиаду* перегруженной неологизмами, то язык перевода Востокова оказался изначально устаревшим. Клопшток стилистически опережал свою эпоху, а Востоков безнадежно отстал и от оригинала, и от своего времени. Церковно-славянский язык не смог подчиниться гекзаметру, перевод изобилдовал односложными словами и ритмически был далек от «естественности дыхания», к которому так стремился Клопшток.

Превознесен, сидел на вечном троне Эгова!
Стал же Элоа пред ним и рек: «Колико ужасен
Ты, Всевышний! Како из ока святого блистает

Грозный суд Твой днесь! и како глаголют громы!
Тьму внимаю громов!» (Востоков 1802: 106).

Гекзаметр во всей красоте раскрылся под пером Жуковского, на чьем переводе отрывка из *Мессиады* мы остановимся подробнее, но прежде следует упомянуть о переводе религиозной эпопеи Клопштока александрийским стихом.

В русской поэзии александрийский стих, или двенадцатисложник, распространился в XVIII в. благодаря переводам с французского и собственно русским эпическим и одическим произведениям В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова. Героические эпопеи *Россиада* и *Владимир*, о которых упомянул в *Письмах русского путешественника* Карамзин (в связи с разговором о Клопштоке на званом обеде в Лейпциге), написаны александрийским стихом:

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость низложенну,
Движенья древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань (Херасков 1807).

В XIX в. двенадцатисложник становится непопулярным, однако новый перевод отрывка из *Мессиады* выполнен именно александрийским стихом. Автор переложения — А. И. Урываев (1789 — 1819), учитель гимназии во Владимире, участник масонского круга М. И. Невзорова и активный участник журнала «Друг юношества». *Отрывок из Клопштоковой Мессиады шестой песни; Взятие Иисуса под стражу* опубликован в майском номере за 1812 г., а *Клопштоковой Мессиады песнь IV* в августовском номере. Несмотря на то, что второй отрывок завершался уведомлением: «Продолжение впредь», полный перевод или дальнейшую публикацию переложения *Мессиады* за авторством Урываева обнаружить не удалось. Переводчик вплетает в свой текст почтительные слова в память о Клопштоке, о своей малозначительности по сравнению с его гением:

Божественный Певец Германския Державы
Окончив свой полет, исполнен звучной славы,
Сном вечным опочил в отеческих странах;
Но днесь тобой возкрес в Российских племенах.
Хотя его возторг, порывы вдохновений
Не сильно выражал младенческий мой Гений;
Хотя высоты его не совместил: —

Не устрасит меня завистливый Зоил.
Мне совесть говорит: ты прав — ты благодарен,
Не низок чувствами, хотя стихом не славен.
Защитник Росских Муз и покровитель мой!
Прими сей слабый труд под кров надежный твой.

Стремясь во всем следовать авторскому тексту, Урываев, тем не менее, несколько снижает экстатический накал чувств героев *Мессиады*. Выбор отрывков для перевода находится в полном соответствии с политикой журнала, цель которого — воспитание молодежи в религиозно-нравственном духе. Перевод Урываева укладывается в рамки сочинений, «возбуждающих в читателе любовь к богу, государю, отечеству и ближнему» (НЕВЗОРОВ 1809: 119). Тот факт, что публикация перевода была прекращена, может свидетельствовать о следующем: интерес к *Messiaade* как к тексту угасал и в России, устаревший слог переводов Востокова и Урываева, общая замедленность действия и размытость сюжетной линии не соответствовали читательским ожиданиям.

В отличие от первого прозаического перевода Кутузова, внешних препятствий для распространения переводов Востокова и Урываева не наблюдалось, но они не обладали ни стилистической, ни тематической новизной и остались только фактом в истории литературного процесса. Перевод Кутузова попытался вернуть к жизни Н. И. Бекетов, доктор словесных наук и философии. В 1820 г., после отмены обязательной синодальной цензуры для книг религиозного содержания, он издает полный перевод *Мессиады*, прозаически переложив третью и четвертую части (с 11 по 20 песни) и тем самым завершив работу Кутузова. Но при всей ясности языка прозаический перевод не добавил популярности *Messiaade* Клопштока в России. Семантическая затемненность эпопеи, о которой писали еще соотечественники Клопштока, и невозможность передать в прозе музыку стиха немецкого поэта окончательно отдаляет русского читателя от *Мессиады*. Мы не нашли свидетельств дальнейшего переиздания *Мессиады* в переводе Кутузова и Бекетова. До второго полного перевода *Мессиады* должно было пройти почти 50 лет.

4. Мессиада в стихотворном переводе С. И. Писарева

Второй раз после переложения Кутузова и Бекетова религиозная эпопея Клопштока переводится полностью в 1868 г., и о причинах, побудивших Писарева заняться таким монументаль-

ным трудом, можно только догадываться. Эпопея переведена четырехстопным нерифмованным амфибрахийем, текст передается очень вольно:

Вы знаете, смертные, все то величье,
Которое дал вам Спаситель в удел
С тех пор, как Он пролил за вас свою кровь.
Послушайте ж пенье мое, о, друзья!
Я славлю Ходатая смертных пред Богом.
О, вы, перед кем поднялася завеса
Неведомых таинств Господня суда,
Послушайте пенье мое и прославьте
Святыми делами Предвечнаго Сына! (МЕССИАДА 1868: 20)

Возможно, Писарев выбрал такой ритмический рисунок, чтобы подчеркнуть общее настроение эпопеи: сдержанное и вместе с тем торжественное. Но в представлении Клопштока гекзаметр с неточным числом безударных слогов передавал естественность живой речи, в то время как в переводе звучание стало монотонным за счет упрощения ритмики. Кроме того, произошло значительное искажение смысловых акцентов. Писарев с самого начала создает иной образ лирического героя, поющего хвалу Господу. Общая идея Клопштока о любви Господней, искуплении и прощении отходит на второй план.

Неизвестно, почему Писарев не выбрал гекзаметр для перевода, ведь к тому времени *Илиада* и *Одиссея* прочно вошли в круг чтения в России. И сам Писарев пишет о достоинствах новой формы сочинения Клопштока в предисловии к своему переводу:

«В “Мессиаде” было столько новаго и вполне прекраснаго: гигантский план, возвышенность мысли, сила и важность языка и наконец древний размер стиха, очищеннаго им же самим. <...> Решившись выбрать экзаметр для новой поэмы, Клопшток пошел по стопам Греков и как лирик воспользовался этим весьма удачно» (ПИСАРЕВ 1868: 12).

О том, что побудило Сергея Ивановича Писарева, дядю известного критика Дмитрия Ивановича Писарева, взяться за перевод, доподлинно неизвестно. Человек крайне консервативных взглядов и сурового нрава мог таким образом служить «царю и Отечеству». Приведем в подтверждение этого предположения несколько фактов. Перевод посвящен «Государю императору Александру II в память благополучного исхода события 4 апреля

1866 года» (первое покушение на Александра II Д. Каракозова) и содержит обширную вступительную статью, в которой переводчик рассказывает о жизни и творчестве Клопштока с просветительских позиций. Кроме того, тремя годами позже в том же издании книгопродавцев Кораблева и Сирякова, где была опубликована *Мессиада*, выходит в свет перевод *Потерянного рая* Мильтона, также за авторством С. И. Писарева и тоже выполненный четырехстопным амфибрахийем. Оставив за рамками настоящей статьи вопрос о популярности перевода *Потерянного рая* (на него, в частности, опирается обзорная публикация в журнале «Нива», № 18 за 1875 г.), отметим только, что откликов на стихотворный перевод *Мессиады*, а равно и дальнейших переизданий нами обнаружено не было. В то же время в критической литературе периодически появляются упоминания о том, что переводом *Мессиады* занимался племянник Сергея Ивановича — Дмитрий Иванович Писарев (СОЛОВЬЕВ-АНДРЕЕВИЧ 1863), и он же в 1861 г. даже отправлял свой перевод в духовный журнал «Странник» (ВЕНГЕРОВ 1907: 81). Однако в «Указателе духовного литературно-ученого журнала Странник за первое десятилетие» перевод *Мессиады* не значится.

Распространенность фамилии Писарев и малая известность фигуры Сергея Ивановича привели к появлению литературно-исторического казуса: авторство перевода *Мессиады* 1868 г. приписывается Писареву Стефану Ивановичу (1708 — 1775), переводчику Иоанна Златоуста и Плутарха, обер-секретарю Синода (КАГАН 1966: стб. 604-605).

5. Аббадона В. А. Жуковского

В записках Жуковского за 1807 г. обнаруживается помета: «Что сочинить и перевести: Эпическая поэма. Отрывки из Мессиады и Мильтона» (ЖУКОВСКИЙ 2011: 395). Перевод Кутузова был к тому времени уже изъят из обращения. Жуковский был, вероятно, знаком и с переводом Востокова. Затянутость эпопеи Клопштока, искусственность характеров и размытость сюжетной линии Жуковскому удалось блестяще преодолеть. План «перевести Мессиаду» вынашивался им на протяжении нескольких лет.

Первое обращение Жуковского к поэме Клопштока произошло еще до 1807 г. В альбоме «Подарок 1806 года, генваря 16 дня», хранящемся в РНБ (Оп. 1. № 14. Л. 19 об.), находится беловой автограф первых 16 стихов «Аббадоны». Копия этого

фрагмента, сделанная рукой А. Л. Протасовой, озаглавлена «Отрывок из “Мессиады”. 1806 года 1 апреля».

Мрачным у трона сидел в тоску погруженный
Ангел Абдил*, Аббадона**... Мыслью носился над бездной
Времен предстоящих. Мука на муке, вечность страданий
Грозно вдали представлялись мрачному взору!
Тут узрел он прежнее время! О вспоминанье
Сладких восторгов, часов безмятежных, невинных!
Там он был другом небесного друга, Еллои***,
С ним, непреклонный, в день возмущенья, парил он...

Жуковский, как и Востоков, пытается создать русский гекзаметр, но не впадает в крайность с языковыми экспериментами. В отличие от автора оригинала, не придерживающегося магистральной сюжетной линии, переводчик в своем коротком отрывке оставляет одну сюжетную линию: историю падения ангела Аббадоны.

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкия тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна...

Данный эпизод оказывается едва ли не самым живым и удачным, герой вызывает сопереживание, а весь эпизод в переложении Жуковского романтизируется. Он подчеркивает романтический драматический конфликт, тираноборческий характер бунтаря и контрасты в образной системе и стиле.

Цельность перевода Жуковского приводит к удивительным, но предсказуемым последствиям: в русской литературе XIX в. остается короткое стихотворение Жуковского *Аббадона (из Клопштока)*, а не *Мессиада* Клопштока в переводе Кутузова, Востокова, Урываева или Писарева.

6. Заключение

Мы видим, что переводы Кутузова, Востокова, Писарева в силу совершенно разных причин остались только фактом литературного процесса и не могли способствовать распространению поэтической эпопеи Клопштока. Писарев был последним, кто взялся за переложение *Мессиады* на русский язык, после 1868 г. не удалось найти фактов переиздания эпопеи полностью или отдельными песнями. Самым удачным и известным в России в

итоге оказался вольный перевод В. А. Жуковского *Аббадона* из второй песни *Мессиады*.

Восхождение Клопштока на литературный Олимп в России с появлением переводов его произведений заканчивается, он все более превращается в символического отца романтизма и великого немецкого поэта, которого — по словам пророческой эпиграммы Лессинга — хвалят, но не читают. Имя поэта начинает жить своей жизнью, до середины XX в. новых русских переводов из Клопштока практически не появляется. Позднее А. В. Михайлов с несомненной отсылкой к эпиграмме Лессинга заметил, что Клопшток относится к тем авторам, которых «никто не читает и не переиздает, хотя они заслуживают чтения и переиздания несомненно и безусловно» (МИХАЙЛОВ 1990: 144). Внимательное чтение, сопровождающееся появлением переводов наиболее значительных лирических произведений Клопштока, знаменует новый этап в исследовании творчества выдающегося немецкого поэта. Исследование влияния творчества Клопштока на поэтов и писателей русской литературы начинается в конце XX в. До настоящего времени тема рецепции Клопштока в России не представлена исчерпывающе.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бортников В. И., Волегова Т. И. Советский перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и иллюстрации к ней Гюстава Доре: эволюция контекстных интерпретаций // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 4 (192). С. 95—105. [Bortnikov, Vladislav I., & Volegova, Tatyana I. (2019) Sovetskiy perevod poemy Dzh. Mil'tona "Poteryannyu ray" iillyustratsii k ney Gyustava Dore: evolyutsiya kontekstnykh interpretatsiy (Soviet Translation of J. Milton's "Paradise Lost" and Its Illustrations by Gustave Dore: The Evolution of Contextual Interpretations). *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 25, 4, 95—105. (In Russian)].
- Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. М.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1907. [Vengerov, Semyon A. (1907) Ocherki po istorii russkoy literatury (Essays on the History of Russian Literature). Moscow: Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". (In Russian)].
- Востоков А. Х. Мессиада. Песнь V, от 1 стиха до 148 // Свиток Муз. Кн. 2. СПб., 1802. С. 106—119. [Vostokov, Aleksandr Kh. (1802) Messi-

- ada. Pesn' V, ot 1 stikha do 148. In *Svitok Muz* (Scroll of the Muses). Book 2. Canto V, from verse 1 to 148. Saint Petersburg, 106—119. (In Russian)].
- Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Т. 15. Л.: Издательство АН СССР, 1986. С. 215—229. [*Zapadov, Vladimir A. (1986) Rabota G. R. Derzhavina nad «Rassuzhdeniyem o liricheskoy poezii»* (G. R. Derzhavin's Work on "Reasoning about Lyrical Poetry"). In *XVIII vek* (18 century) Vol. 15. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 215—229. (In Russian)].
- Каган Ю. М.* Клопшток // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3: Иаков — Лакснесс. М.: Советская энциклопедия, 1966. Стб. 604—605. [*Kagan, Yuliya M. (1966) Klop-shtok*. In *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Т. 3: Iakov — Laksness (Brief Literary Encyclopedia. Vol. 3: Jacob — Laxness). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)].
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М.: Советская Россия, 1982. [*Karamzin, Nikolay M. (1982) Pis'ma russkogo puteshestvennika* (Letters of a Russian Traveler) Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russian)].
- Кононко Е. Н.* Рукописи Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература 1972. № 3. С. 83—84. [*Kononko, Yelena N. (1972) Rukopisi Derzhavina v Tsentral'noy nauchnoy biblioteke USSR* (Derzhavin's manuscripts in the Central Scientific Library of the Ukrainian SSR). *Russkaya literatura* (Russian Literature), 3, 83—84. (In Russian)].
- Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы / ред. М. П. Алексеев. Ленинград: Наука, 1970. С. 195—298. [*Levin, Yuriy D. (1970) Angliyskaya poeziya i literatura russkogo sentimentalizma* (English Poetry and Literature of Russian Sentimentalism). In *Alekseyev, Mikhail P. (ed.) Ot klassitsizma k romantizmu. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury* (From Classicism to Romanticism. From the History of International Connections of Russian Literature). Leningrad: Nauka, 195—298. (In Russian)].
- Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. Москва: Типография Грачева и Комп. 1867. [*Longinov, Mikhail N. (1867) Novikov i moskovskiye martinisty* (Novikov and the Russian Martinists) Moscow: Tipografiya Gracheva i Komp. (In Russian)].
- Мессиада. Сочинение Клопштока / пер. Сергея Писарева. СПб.: Изд. Кораблева и Сирякова, 1868. [*Messiada. Sochineniye Klopshtoka* (Der Messiah. Klopstock's Work). Trans. by Sergey Pisarev. Saint Petersburg: Korablev & Siryakov Publ. (In Russian)].

- Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mikhailov, Aleksandr V. (2000) *Obratnyy perevod. Russkaya i zapadnoevropeiskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazey* (Reverse Translation. Russian and Western-European Culture: Problems of Relationships). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Невзоров М. И. Предисловие автора // Друг юношества. 1809. № 6. [Nevzorov, Mikhail I. (1809) *Predisloviye avtora* (Preface by the Author). *Drug yunoshestva* (Friend of youth), 6. (In Russian)].
- Писарев С. И. Предисловие переводчика // Мессиада. Сочинение Клопштока / пер. Сергея Писарева. СПб.: Изд. Кораблева и Сирякова, 1868. [Pisarev, Sergey I. (1868) *Predisloviye perevodchika* (Preface by the translator). In *Messiada. Sochineniye Klopshtoka* (Der Messias. Klopstock's Work). Trans. by Sergey Pisarev. Saint Petersburg: Korablev & Siryakov Publ. (In Russian)].
- Пуришев Б. И. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Издательство Коммунистической академии, 1931. Стб. 784. [Purishev, Boris I. (1931) *Klopshtok*. In *Literaturnaya entsiklopediya*. Т. 5 (Literary Encyclopedia. Vol. 5). Moscow: Communist Academy Publishers, col. 784. (In Russian)].
- Соловьев Е. А. Дмитрий Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлиха, 1893 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/solowxewandreewich_e_a/text_0050.shtml (дата обращения: 09.02.2021). [Solovyev, Yevgeniy A. (1893) *Dmitriy Pisarev. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* (Dmitriy Pisarev. His Life and Literary Activity). Saint Petersburg: Yu. N. Erlikh Publ. (2021, February 09). Retrieved from http://az.lib.ru/s/solowxewandreewich_e_a/text_0050.shtml. (In Russian)].
- Справочный энциклопедический словарь в 12 т. Т. 8: Мас — Нюр / под ред. А. В. Старчевского. СПб.: издание К. Крайя, 1854. [Starchevskiy, Adalbert-Voitekh V. (ed.) *Spravochnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. V 12 t. Т. 8: Mas — Nyur (Reference Encyclopedic Dictionary. In 12 vols. Vol. 8: Mas — Nyur). Saint Petersburg: K. Gray Publ. (In Russian)].
- Урываев А. И. Клопштоковой Мессиады песнь IV: М. И. Н. («Божественный певец германския державы...») // Друг юношества. 1812. Август. С. 52—62. [Uryvaev, Aleksandr I. (1812) *Klopshtokovoy Messiady pesn' IV: M. I. N. ("Bozhestvennyy pevets germanskiya derzhavy...")* (Klopstock's Messiad Song IV: M. I. N. ("The Divine Singer of the German Empire...")). *Drug yunoshestva* (Friend of Youth), 52—62. (In Russian)].
- Херасков М. М. Россияда. М.: тип. Пономарева, 1807 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml

(дата обращения 09.02.2021). [Kheraskov, Mikhail M. (1807) *Rossiada* (Rossiad). Moscow: Ponomaryov Publ. (2021, February 09). Retrieved from http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml. (In Russian)].

Vera G. Sibirtseva

Nationale Forschungsuniversität Hochschule für Wirtschaft

Russische Übersetzungen und Nachdichtungen von Klopstocks *Der Messias*

In dem Artikel wird das literarische Schicksal russischer Übersetzungen des religiösen Epos *Der Messias* nachvollzogen, den der berühmte deutsche Dichter Friedrich Gottlieb Klopstock im 18. Jahrhundert geschaffen hat. Es ist den Übersetzern wie Alekssej Kutusow, Alexander Wostokow und Sergej Pissarew nicht gelungen, viele Leser für Klopstocks Werk anzulocken. Diese Übersetzungen konnten hiermit die Rahmen des 19. Jahrhunderts kaum überschreiten. Die Gründe dafür sind nicht allein im Originaltext selbst zu suchen, sie sind vielmehr sind objektiver Natur. Die vorgenommene komparative Analyse ermöglicht nicht nur eine ganzheitliche Problemsicht, sondern zeigt auch eine Paradoxie auf: die kurze freie Nachdichtung (aus dem 2. Gesang) von Shukowskij bleibt bis heute das am meisten gelesene Werk.

Schlüsselwörter: Shukowskij; Klopstock; „Der Messias“; freier Vers; Hexameter

Vera G. Sibirtseva

National Research University “Higher School of Economics”

Russian Translations and Arrangements of Klopstock’s *Der Messias*

The given article examines the literary fate of translations into Russian language of the epic *Der Messias* by F. G. Klopstock, the great German poet of the 18th century. The fact is that the translations created by Kutuzov, Vostokov, Pisarev were not popular in Russia. They remain just as a literary fact of the late 18th — mid-19th centuries. The main aim of this article is to identify the reasons for the low interest in the translations of *Der Messias*. A comparative analysis of translations of a religious epic carried out leads to the conclusion that the most famous is the translation of a short excerpt from *Der Messias* by Zhukovsky.

Keywords: Zhukovsky; Klopstock; “Der Messias”; free verse; hexameter